

› 2/details/13/1. Они досмотрели фильмы, Они досжигали Римы... stih.ru › 2003/06/24-1066. ... всех самых красивых девушек, как ведьм - перетопили, пересжигали и переубивали. dozorny.ru › socium/blogs/madness/541.html. Наверное, цены на бензин затем и поднимают, чтобы нам не хватило денег все пересжигать! auto.mail.ru › comments.html?nid=26069.

Фазовые парадигмы глаголов НСВ-1 из видовых троек существенно отличаются от парадигм НСВ-2. Прежде всего тем, что первичные беспрефиксные глаголы обладают высокой префиксальной валентностью и в их парадигмах насчитывается большое количество дериватов. Например, в парадигме глагола *жечь* 19 глаголов, большинство из которых полисеманлично, в результате чего в этой фазовой парадигме имеются все направления фазовости (т. е. она полная), она состоит из 26 лексем. НСВ-2 из его тройки, как видно на схеме выше, имеет двустороннюю неполную фазовую парадигму, в которой 8 лексем. И это одна из наиболее богатых фазовых парадигм у вторичного имперфектива, обычная парадигма НСВ-2 включает всего 2-3 глагола. Еще одно важное различие между первичным и вторичным имперфективом в видовых тройках заключается в том, что НСВ-1, будучи полисемантическим глаголом, может иметь несколько видовых коррелятов СВ в своих разных ЛСВ либо иметь видовую пару только в одном ЛСВ, а в остальных значениях быть непарным (как глагол *жечь*). Так, глагол *учить* имеет 5 ЛСВ (по МАС [5]), три видовые пары и, соответственно, тройки: *выучить* (*выучивать*), *научить* (*научать*), *обучить* (*обучать*), при этом в двух ЛСВ (*‘Быть учителем, заниматься педагогической деятельностью; преподавать’* и *‘Обосновывать, развивать (какую-л. мысль, теорию и т.п.)’*) остается непарным.

Выводы. Вторичные имперфективы из видовых троек не совпадают по значению с соответствующими беспрефиксными глаголами, хотя во многих контекстах могут употребляться как синонимы. Фазовые парадигмы первичных и вторичных НСВ также не совпадают. Однако отношения фазовости в видовых парах НСВ-1 и НСВ-2 с их коррелятом СВ чаще всего одинаковы либо изменяются в сторону одно-/многократности.

НСВ-2 либо вообще не имеет префиксальных дериватов, либо присоединяет префикс *по-* в дистрибутивном значении (употребляется чаще) и делимитативном значении (реже). Эти глаголы редко фиксируются в словарях, но в речи носителей языка высокочастотны. Другие префиксы (*на-*; *пере-*; *пона-*; *за-*) употребляются с НСВ-2 в живом разговорном дискурсе с целью придания эмоциональности и выразительности. С префиксом *до-* образуются как дериваты СВ, так и дериваты НСВ. Все эти глаголы не входят в состав литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи [Текст] / Ю. Д. Апресян // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. - М. : Изд-во МГУ, 1997. - Т. 2. - С. 7-20.
2. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика [Текст] / М. А. Кронгауз. - М. : Школа “Языки русской культуры”, 1998. - 288с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
4. Петрухина Е.В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований) : Учебное пособие [Текст] / Е. В. Петрухина. - М. : МАКС Пресс, 2009. - 208с.
5. Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой : В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз. - 2-е изд. - М.: Русский язык, 1981-1984.
6. Титаренко Е.Я. Способы выражения фазово-видовых значений глаголов в русском языке [Текст] / Е.Я.Титаренко // Система і структура східнослов'янських мов : Зб. наук. пр. – К.: Знання України, 2004. – С. 81- 89.
7. Титаренко Е.Я. Фазовая парадигма русского глагола [Текст] / Е.Я.Титаренко // Русский язык и литература : Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе: Сб. науч. тр. – К., 2009. – С. 98-102
8. Ясаи Л. О принципах выделения видовой пары в русском языке [Текст] / Л. Ясаи // Вопросы языкознания. - 1997. - №4. - С.70-84.

УДК 811.161.1'38:82-342

О.Н.Говорищева

О СТИЛИСТИКЕ КЛАССИЦИСТИЧЕСКОЙ РУССКОЙ БАСНИ

О.М.Говорищева

ПРО СТИЛІСТИКУ КЛАСИЦИСТИЧНОЇ РОСІЙСЬКОЇ БАЙКИ

У статті розглядається мова байок ідентичного змісту двох російських байкарів, представників класицистичного напряму у російській літературі XVIII століття А.Д.Кантеміра і

О.П.Сумарокова. *Просліджується еволюція у використанні експресивних мовних фарб в міру формування і розвитку мови байки у російській літературі.*

Ключові слова: стилістика, класицизм, байка, стиль, мова, літературна мова, народна мова, просторіччя, розповідь, письменник, архаїзм, синтаксис.

О.Н.Говорищева

О СТИЛИСТИКЕ КЛАССИЦИСТИЧЕСКОЙ РУССКОЙ БАСНИ

В статье рассматривается язык басен идентичного содержания двух русских баснописцев, представителей классицистического направления в русской литературе XVIII века А.Д.-Кантемира и А.П.Сумарокова. Прослеживается эволюция в использовании экспрессивных красок по мере формирования и развития басенного языка в русской литературе.

Ключевые слова: стилістика, класицизм, басня, стиль, язык, літературний язык, народная речь, просторечие, рассказ, писатель, архаизм, синтаксис.

O.N.Govorishcheva

ABOUT THE STYLISTICS OF CLASSICAL RUSSIAN FABLE

The language of identical fables is examined in the article on the example of two Russian fabulists A.D.Kantemir and A.P.Sumarokov, the representatives of the classical direction in Russian literature of XVIII century. An evolution is traced in the use of expressive paints as forming and developing the fable language in Russian literature.

Key words: Stylistics, classicism, fable, style, language, literary language, folk speech, common popular language, narrative, writer, archaism, syntax.

Постановка проблемы. Как отмечают исследователи, русская басня сыграла весьма заметную роль в становлении и развитии норм русского литературного языка. По словам В.В.Виноградова, «именно в истории басенного языка нагляднее и ярче всего обозначалось многообразие методов смешения и слияния литературных стилей с поэзией живой народной речи. В истории басни, как в миниатюре отображается история простого и среднего стилей русского литературного языка XVIII и начала XIX в. и их роль в создании новой системы общерусского литературного языка» [2, с.149].

Анализ актуальных исследований. Важнейшим компонентом басни является рассказ. «Рассказ в басне, как слог в прозе», — утверждал Н.Греч. Развитие русской басни как жанра шло по пути совершенствования этого компонента, придания ему живости, выразительности и изобразительности, все более широкого и смелого включения в его структуру диалога, приемов усиления живописности и драматичности изображения. Рассмотрим это явление на примерах некоторых выдающихся писателей-классицистов конца XVIII века, когда только стал зарождаться басенный стиль. Степанов писал: «Басня в России как стихотворный жанр впервые возникает у А.Д.Кантемира, который дал образцы басенного жанра на сюжеты Эзопа». Басня являлась жанром сатирическим и публицистически обостренным.

Цель статьи. Установить специфику отбора и сочетания языковых средств в баснях идентичного содержания А.Д.Кантемира и А.П.Сумарокова и проследить путь развития басенного языка в эпоху классицизма.

Изложение основного материала. По мнению Г.О.Винокура, отсутствие в конце XVIII-начала XVIII века «выработанной версификационной техники заставляло стихотворцев прибегать к разного рода «поэтическим вольностям» для того, чтобы легче было справиться с требованиями ритма и рифмы. Речь идет здесь не о случайных отклонениях от правильного языка у отдельного писателя, а о целой системе узаконенных традиций и даже специальностей, которые, по большей мере, представляли собой допускаемые к употреблению архаизмы языка и тому подобные параллельные языковые средства» [3, с.83].

В.К.Тредиаковский в своем «Новом и кратком способе сложения российских стихов» (1735 г.) пытался теоретически обосновать и упорядочить использование в поэзии различного рода архаических форм — так называемых вольностей, выделив 14 пунктов таких вольностей.

В чуть позже (1742 г.) написанном трактате А.Кантемир также отмечает многие «вольности в мере стихов», названные Тредиаковским, но включает в их число и не упомянутые последним, например параллель окончаний —*ами* и —*ы* в творительном падеже множественного числа мужского и среднего рода. Морфологические вольности, перечисленные в трактатах Тредиаковского и Кантемира, широко употреблялись в стихотворной литературе XVIII века и просуществовали вплоть до середины XIX века.

Стилистика басен Кантемира во многом была обусловлена названным обстоятельством. В его баснях широко представлены усеченные прилагательные и причастия (*непространну, знакома, умеренну, бедна, познанну, любезну, непо-*

лезну, лестны, огромны, златотканна, богаты, храненны, позлащенны, неугодна, свободна, довольны, беспокойны, достойны); форма инфинитива на *-ти* неударяемое (*учинити, быти, угодити, говорити, чинити, вместити*); используются версификационные варианты с вставкой или пропуском гласной в приставках (*сокрывая, премене*), а также варианты *меж*(вместо *между*), *хоть* (вместо *хотя*), *всяк* (вместо *всякий*).

Обращает на себя внимание отсутствие в басне Кантемира грубо-просторечных лексико-фразеологических средств. Используются здесь слова и выражения живой народно-разговорной речи (*тороватый, легонько, тихонько, дружок, зазвала в гости, не может вместить в себе радость, страх удвоился, одна за другою, с душою в зубах, богатство без беды редко бывает, довольны малым*), просторечные и диалектные элементы представлены единичными фактами (*звыкли, кошницы, щитяся*).

Весьма осторожен Кантемир и в употреблении церковнославянизмов: как правило, привлекаются слова церковнославянского происхождения или близкие к нейтральному слою, или “перешедшие в русский язык XVIII века как его законный составной элемент” (Винокур): *яства, пища, приятный, вещь, время, сласть, предпочест, суета, прежде* и т.д. Не случайно современный исследователь истории русского литературного языка А.И.Горшков подчеркивает практическое значение произведений Кантемира в упорядочении нового русского литературного языка [4, с.172].

Синтаксис был наименее обработанной стороной русского литературного языка первой половины XVIII века. По словам В.В.Виногорова, в сфере синтаксических форм господствовали в это время пестрота и неорганизованность. Наблюдается ассоциативная раздробленность речи, логическая неупорядоченность синтаксического движения, широкое применение форм канцелярского синтаксиса [1, с.77]. Следует отметить, что и синтаксис рассматриваемой басни Кантемира характеризуется тяжеловесностью, насыщен громоздкими конструкциями, которые шли, очевидно, из церковнославянского языка и официально-канцелярского слога. Ср. неестественное расположение слов уже в первой фразе басни: “*Издавна в дружбе к себе верною познанию, /Градскую некогда Мышь полевая в гости /Зазвала в убогую нору непротранну, /Где без всякой пышности, от воздуха злости /Щитяся, вела век свой в тишине покойный.*”

В начальной синтагме (причастном обороте) причастие, формирующее оборот, отброшено в конец стиха (и оборота), а зависимые от него формы других слов ставятся впереди в логически нестройном порядке. К тому же само определяемое причастным оборотом слово [*мышь*] не названо –

оно восстанавливается из соположенного словосочетания [*Мышь полевая*]. В придаточной части, в деепричастном обороте также используется неестественный для русского языка порядок слов (“*от воздуха злости/ Щитяся*”). Эта неестественность усилена еще и переносом.

Нередко в кантемировской басне между определяемым существительным и определением ставятся слова, зависящие от других членов предложения, а иногда и союзные слова. Ср., например: “*Златотканна где парча обильно блистала*”; “*Поселянка, на златых себя растягая коврах*”; “*Веселым другу себя гостем являть ищет*”. Запутанная расстановка слов затрудняет движение мысли в басне Кантемира.

Как отмечает В.В.Виноградов, “порядок слов – это был больной вопрос синтаксиса русской литературной речи XVIII века”. [1, с.125]

Но в басне Кантемира встречаются и логически прозрачные конструкции -благодаря естественному, с незначительными отклонениями для русского языка размещению слов. Ср.: “*Мох один около стен, на полу солома /Составляла весь убор, хозяйке пристойный*”; “*напоследок он так к ней начал говорити*”; “*богатства бывают/ Без беды редко, всегда беспокойны*” и т.д.

Таким образом, в упорядочении русской литературной речи, в том числе и басенной, Кантемиром был создан первый, еще не очень решительный, но в правильном направлении шаг.

Басня Сумарокова на ту же тему заметно отличается – в лучшую сторону – от басни Кантемира. В ней больше легкости, непринужденности, игривости. Сумароков значительно шире, острее и живописнее использует экспрессивно-окрашенные народно-разговорные элементы: например, отзвуком фольклорного поэтического языка являются некоторые эпитеты, которые внедряются в басенный язык Сумарокова (*красный день*); различные частицы устного обихода (*ан, пожалуй.*); свойственные народному употреблению слова с суффиксами уменьшительности (*сестрица*); просторечная лексика (*промяться*), разговорные выражения типа *во весь свой век, сроду не едала, Кошка им в глаза, доколь жива*.

Басня Сумарокова, как и Кантемира, включает в себя упомянутые выше морфологические вольности – архаические формы, которые были присущи поэзии XVIII века: усеченные прилагательные (*градска*), вариант с пропуском гласной в приставке (*век*).

Текст басни практически не содержит церковнославянских слов и выражений. Исключения единичны: церковнославянская форма *градска*; церковнославянское по огласовке, но получившее все “права гражданства” в русском языке прилагательное *сладкий*; уже вошедший к этому времени в разговорный обиход союз *коль*; местоиме-

ние *сей (сим)*; форма единственного числа прилагательных женского рода на *-ья (первья гроза)*; использование деепричастных форм на *-а, -я (плача, взмая)*, рекомендуемых Ломоносовым для употребления в высоком стиле. В.В.Виноградов справедливо указывает, что “сумароковский стиль чуждается специфических особенностей старокнижного языка и избегает узких провинциализмов простонародной речи” [1, 148].

Синтаксис басни Сумарокова отличается от синтаксиса басни Кантемира большей простотой и естественностью. Сумароков энергично выступал против “подъяческого”, канцелярско-бюрократического языка. Пространные, громоздкие книжные конструкции с неупорядоченным логическим движением сменились у него лаконичными, энергичными фразами, ориентирующимися на живую устную речь дворянской интеллигенции (преимущественно московской), во многих своих чертах близкую к народному языку. Эта расцветность экспрессивными разговорными красками ярко выступает как в диалогическом стиле Сумарокова, так и в авторском повествовании, Ср., например, синтаксическое построение реплик: “*Коль хочешь то отведай, / Так завтра ты ко мне пожалуй отобедай*”; “*Про сахар много раз, сестрица, я слыхала, / Однако я его и сроду не едала*”; Ср. также синтаксическую структуру повествования: *Пошла из города Мышь в красный день промяться! / И с сродницей своей в деревне повидаться! / Та Мышь во весь свой век всё в закроме жила / И в городе еще ни разу не была.*

Но Сумароков еще далек (как и все классицисты) от социально-экспрессивного и характерного

стилистического разграничения речей персонажей – как в области лексики, так и в области синтаксиса.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Русская басня шла долгим путем становления, постепенно освобождаясь от громоздкой церковнославянской фразы, насыщаясь элементами просторечия, ориентируясь на бытовую речь дворянской интеллигенции, а затем на живую народно-разговорную речь, не отказываясь и от выразительных черт книжно-письменной речи и таким образом приобретая черты нового современного русского литературного языка. Изучение языка русской басни, ее меняющейся стилистической организации поможет определить роль этой “простой” литературы в формировании и закреплении национальных основ русского литературного языка и языка художественной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков – М., 1982.
2. Виноградов В.В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей – М., 1990.
3. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку – М., 1959.
4. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка – М., 1984.
5. Орлов А.С. Язык русских писателей – М.-Л., 1948.
6. Русская басня XVIII –XIX веков – Л., 1977.
7. Хабургаев Г.А. Старославянский язык – М., 1974.

УДК 81'38:821.161.1/7.08

И.И. Степанченко

О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: К ПРОБЛЕМЕ ДЕМЕТАФОРИЗАЦИИ ДЕФИНИЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Степанченко И.И.

ПРО МОВНУ КАРТИНУ СВІТУ: ДО ПРОБЛЕМИ ДЕМЕТАФОРИЗАЦІЇ ДЕФІНІЦІЙ У ЛІНГВІСТИЦІ

У статті розглядається проблема визначення мовної картини світу з традиційної точки зору та з позицій альтернативної функціональної лінгвістичної парадигми. Стверджується, що функціональний підхід дозволяє деме́тафоризувати дефініцію категорії, що аналізується.

Ключові слова: дефініція, метфоризація, мовна картина світу.

Степанченко И.И.

О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: К ПРОБЛЕМЕ ДЕМЕТАФОРИЗАЦИИ ДЕФИНИЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматривается проблема определения языковой картины мира с традиционной точки зрения и с позиций альтернативной функциональной лингвистической парадигмы. Утверждается, что функциональный подход позволяет деме́тафоризировать дефиницию анализируемой категории.

Ключевые слова: дефиниция, метафоризация, языковая картина мира.

© И.И. Степанченко, 2011